

С. Севастьянова,
кандидат искусствоведения, преподаватель
Астраханского музыкального колледжа им. М.П. Мусоргского

КАК ЭТО БЫЛО

Эта война у каждого своя. Кто-то знает о ней лишь из учебников, другие представляют себе события военных лет по произведениям кинематографа или художественной литературы, ученые, исследующие скрупулезно проблемы истории, работают с уникальными архивными и музейными документами. Но есть еще и бесценные семейные реликвии, такие как письма с фронта в виде тонких треугольников, выцветшие редкие фотографии, ордена и медали, оплаченные кровью и жизнями близких людей. Все меньше остается тех, кто действительно был свидетелем, очевидцем Великой Отечественной. Фактически их осталось совсем мало: уже стали стариками бывшие дети второй мировой войны. Свой след эта война оставила и в жизни **М.А. Этингера**, известного ученого, музыковеда, музыканта-просветителя, педагога.

Имя **Марка (Меира) Ароновича Этингера** (1922-2003) для нас, теоретиков, поступивших в Астраханскую государственную консерваторию в 1978 году, имело особый, даже несколько мистический смысл. По сравнению с более прозаическим, порой буднично-домашним восприятием учителей музыки в ДМШ и музыкальном училище, солидная фигура заведующего теоретическим отделением вызывала трепет. Какое-то время мы «питались» слухами и легендами о его необычной судьбе. Ситуация изменилась, когда на официальном классном часе **Марк Аронович** сам рассказал нам о своей жизни. К его рассказу, очень короткому и сдержанному, каждый дорисовал себе эмоционально яркий комментарий. Уважение к нему после этой встречи оставалось неизменным все последующие годы. Судьба этого человека, конечно, достойна отдельной монографии, однако пока что никто из музыковедов не исполнился такой ответственной миссии.

Его линия жизни начиналась в Польше. Из Лодзи (родного города **Этингера**) семья польских евреев переехала в Варшаву. В интервью музыковеду и журналисту «Радио России» **К.В. Гузенко**

Марк Аронович так рассказывал о своих родителях: *«Моя мама отдавала мне все свои силы: я был, как говорится, мамин сынок. Она учительница, но когда родилась сестренка, была вынуждена заниматься только семьей, так что я ее работающей почти не знал. Только по дому, а ведь это очень большой труд, который мы, правда, не всегда ценим. Она была музыкальный человек, немножко училась в детстве на фортепиано. Не знаю, где именно, скорее всего частным образом. Дома были ноты, которые я сам любил читать: это фрагменты из сюиты Грига «Пер Гюнт», несложные произведения Шуберта и некоторые другие вещи, а мама контролировала и проверяла меня.*

Отец по специальности был бухгалтер очень высокой квалификации. Он был главной движущей силой в семье, всегда на руководящей работе как главный бухгалтер или ревизор. Человек чрезвычайно способный, прежде всего к языкам, он знал их много, владел свободно и в совершенстве польским, немецким, русским, поэтому в свое время занимал должность бухгалтера-корреспондента, который отвечал за переписку на иностранных языках. И еще он очень увлекался музыкой, особенно ценил скрипку и даже мечтал, что из меня получится скрипач».

Сам **Марк** в детстве любил скрипку больше, чем другие инструменты, хотя тогда же он мог слушать по радио Шопеновский конкурс и буквально часами заслушиваться одними и теми же фортепианными произведениями.

С юных лет он восторгался Скрипичным концертом Чайковского, «Испанским каприччио» Римского-Корсакова, прекрасные солирующие скрипичные эпизоды в котором всеобщие признаны.

Он мог бы с успехом стать историком (позднее **Этингер** с отличием закончил исторический факультет нашего Астраханского педагогического института). Когда-то знакомые ему даже говорили, что в будущем его ждет юриспруденция и прочили адвокатскую деятельность. В варшавской средней школе изучалась история ораторского искусства, Демосфен, Цицерон и другие знаменитости. «Я мог бы быть и биологом, – признавался он в одном из своих интервью, – в детстве я очень любил биологию», но все-таки он выбрал музыку.

В 1937 году, по окончании музыкальной школы, он сдал конкурсные экзамены в класс специального фортепиано Варшавской консерватории. Занятия оборвала война с фашистами. Армия вермахта перешла польскую границу 1 сентября 1939 года. Первый боевой вылет Люфтваффе совершило звено пикировщиков Ju-87 обер-лейтенанта Бруно Диллеи (в 04:26 утра была сброшена первая бомба этой войны), а к 9 сентября немцам удалось сломить польское сопротивление по всей линии фронта и подойти к Варшаве. В этот же день **Марку** с отцом удалось выбраться с оккупированной территории. Польский крестьянин, имя которого неизвестно, рискуя жизнью, вывез их мимо патрулей на телеге, покрытой сеном. Оставшиеся были обречены: в гетто погибли его мать и сестра.

Марку с отцом удалось перебраться на территорию, освобожденную Советской Армией. Так в числе других беженцев из Польши они оказались в городе Белостоке. **Марк** и его отец жили на поселении, в спец-зоне. Сначала юношу направили в специалисты-лесорубы, но, по счастливому решению в Комитете НКВД, вскоре определили на работу концертмейстером в городе Сыктывкаре.

Концертный Ансамбль песни и пляски Коми АССР был недавно сформирован и еще не укомплектован профессиональными кадрами, в нем **Этингер** получил свою трудовую книжку и проработал около четырех лет. С декабря 1940 года началась его длительная и непрерывная работа в учреждениях системы Комитета по делам искусств РСФСР, а позже – Министерства культуры РСФСР.

В СССР он был членом Союза польских патриотов: от неоднократно предоставляемых прав на репатриацию **Этингер** отказался. Летом 1944 года был издан Указ президиума Верховного Совета о помощи бывшим польским гражданам, на основании которого **Этингеры** были реэвакуированы в Курскую область, где работа **Марка Ароновича** концертмейстером (и спустя некоторое время хормейстером) продолжалась уже в театре музыкальной драмы и комедии. Далее последовали переезды вместе с этой театральной труппой в город Ковров, а после закрытия театра он переехал в Тулу. Здесь было место дирижера в театре музыкальной комедии.

Все эти страшные годы лишений и нужды рядом всегда была музыка счастливой и беззаботной жизни в опереттах Кальмана, Штрауса, Легара, Зуппе... «Сильва» и «Марица», «Цыганский барон» и «Летучая мышь», «Принцесса цирка» и «Гейша», «Шельменко-денщик», «Голубая мазурка», «Счастливый рейс» и «Рубиновое кольцо» – эти партитуры неизменно возвращались в программах. И впоследствии, уже во время своей педагогической деятельности, **Марк Аронович** исполнял фрагменты из оперетт как иллюстрации примеров по элементарной теории музыки и гармонии.

После Тулы линия жизни привела его в Астрахань: выступления в качестве концертмейстера и дирижера продолжились, а затем сменились педагогической деятельностью. В одном из своих интервью **Марк Аронович** вспоминал об удивительном предчувствии, охватившем его, когда он ступил на астраханскую землю, как он сразу ощутил, что приехал сюда надолго. Исключительной ценностью представляется личный архив **К.В. Гузенко**, сохранивший этот монолог **М.А. Этингера**: *«Получилось так, что в СССР я начал работать концертмейстером, потом хормейстером, потом дирижером музыкального театра. Я имел несчастье работать в четырех театрах, которые были ликвидированы, как тогда говорили, расформированы, сразу после Великой Отечественной войны. Трудности материальные были огромные: я был во Владимирском театре музыкальной комедии, затем в Тульском, оттуда переехал в Астрахань. Здешний театр был расформирован 15 апреля 1948 года. И отсюда я получил назначение в оперный театр в Пензе, куда не поехал, но и этот театр тоже был закрыт = расформирован».*

Расформированным оказался и астраханский музыкальный театр, в котором он некоторое время работал режиссером и главным дирижером. И далее, с 1948 года **Этингер** начал работать преподавателем музыкально-теоретических дисциплин в Астраханском музыкальном училище, а с 1969 года он возглавил кафедру истории и теории музыки в Астраханской государственной консерватории.

Доктор искусствоведения, профессор **М.А. Этингер** – автор серьезных исследований по гармонии И.С. Баха и раннеклассической гармонии. Итогом его работы стали четыре монографии, более сорока брошюр и статей в научных сборниках и журналах.

В своем личном деле, отвечая в графе 10 на вопрос: «Какими иностранными языками и языками народов СССР вы владеете?», **Марк Аронович** скромно указал: «Свободно – польским, читаю и могу объясняться на немецком, читаю и перевожу со словарем английский, славянские языки». В 60-70-е годы этот перечень дополнился французским и итальянским. Среди изданных им статей есть публикации на румынском языке. Профессор кафедры хорового дирижирования

Астраханской государственной консерватории **С.Е. Комяков** в своих мемуарах об **Этингере** вспоминает, как **Марк Аронович** консультировал по правильному произношению на древних языках его хор, готовивший исполнение Мессы Л. Бернштейна.

Будучи очень занятым, но, не смея отказать «коллегам по музее», он пишет обстоятельные рецензии на крупнейшие исследования в области теории музыки «Учение о музыкальной фактуре и мелодической фигурации» Ю. Тюлина, «Проблемы классической гармонии» Л. Мазеля, «Теоретический курс гармонии» С. Григорьева, «Избранные статьи и исследования» В. Беркова. Большая редакторская работа **Этингера** при подготовке к изданию книги Л. Карклиньша о гармонии Мясковского, Э. Курта о романтической гармонии Вагнера оценивались видными учеными как научный подвиг.

В сферу его научных исследований также входили методика преподавания музыкально-теоретических дисциплин и астраханское музыкальное краеведение. Статья Этингера «Внимание музыкальному краеведению» стала методологическим фундаментом для разработки циклов занятий и учебных курсов.

Марк Аронович вел серьезную просветительскую и общественную деятельность, выступая по радио и телевидению, в астраханской печати, а также в качестве члена внештатного редакционного совета газеты «Волга», лектора общества «Знание» и Областного совета защиты мира. Он оказывал помощь самодеятельным композиторам, занимался собиранием, обработкой и изданием астраханского фольклора.

«Человек подобен дроби, – считал Л.Н. Толстой – числитель есть то, что он есть, а знаменатель – то, что он о себе думает. Чем больше знаменатель, тем меньше дробь». Если применить это высказывание к **Этингеру**, то дробь, его характеризующая, имела очень большой числитель и значительно меньший знаменатель. Это настоящее счастье – общение с такими достойными и знающими людьми, встречи с ними обогащают, направляют в жизни.

Среди наград **Этингера** – медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», «30 лет победы над Германией», «40 лет победы над Германией». Член Союза композиторов СССР, заслуженный деятель искусств РСФСР, в 1995 году он стал «Почетным гражданином Астрахани». Имя **М.А. Этингера** вписано в «Золотую книгу», хранящуюся в Музее культуры нашего города.

История знает немало парадоксов, были они и в судьбе **М.А. Этингера**. Втайне мечтавший о литературной деятельности, он состоялся как ученый-писатель. Политика фашистской Германии лишила его Польши, и Астрахань стала для него второй родиной. Новая объединенная Германия приняла семью его сына: **Лев Маркович Этингер**, композитор, работавший после окончания института имени Гнесиных музыкальным директором в Киевском театре кукол, переехал в Гёттинген, куда позже приехали и его родители. Там 24 апреля 2003 года и завершился жизненный путь **М.А. Этингера**.

Мы все были его учениками – выпускники его класса, студенты теоретического отделения, ученики его учеников, коллеги по работе, совершенствовавшие свой профессиональный опыт в общении с Мастером. Прекрасный русский писатель И.А. Бунин писал: «Венец каждой человеческой жизни есть память о ней – высшее, что обещают человеку над его гробом, это память вечную. И нет той души, которая не мечтала бы втайне об этом венце». Воспоминания о **М.А. Этингере**, память о нем сегодня хранят все, кто его знали.